

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ О ФОРМУЛИРОВКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

О.С. Степанюк

Белгородский государственный университет, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

Статья посвящена изучению проблемы формулировки оценочного понятия уголовного закона, как одного из приемов законодательной техники. Проводится исследование системы признаков оценочного понятия, анализируются выделяемые в теории уголовного права признаки оценочного понятия. На основании приведенных точек зрения и самостоятельного исследования автор предлагает собственное определение оценочного понятия, которое может быть использовано в процессе дальнейших научных изысканий, законотворческой деятельности и в процессе правоприменения.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовые нормы, определение оценочного понятия, признаки оценочного понятия, профессиональное правосознание.

Одной из актуальных проблем теории и практики современного уголовного права является вопрос использования оценочных понятий в уголовном законодательстве. Это связано с тем, что в процессе разработки и принятия Уголовного кодекса РФ 1996 года законодатель активно использовал такой прием юридической техники, как включение в текст уголовно-правовых норм оценочных понятий. В настоящее время в УК РФ насчитывается более 160 разновидностей оценочных понятий. Следует подчеркнуть, что доля использования оценочных понятий в современном российском уголовном законе составляет 72%, это на 15% больше, чем в УК РСФСР 1960 года.

По нашему мнению, для исследования проблемы оценочного понятия уголовного закона одним из ключевых вопросов является его определение. Это связано с тем, что в теории уголовного права нет устоявшегося определения оценочного понятия, что, в свою очередь, отчасти обуславливает трудности использования оценочных понятий в правоприменительной деятельности. В отечественной литературе советского периода по уголовному праву вопросу определения оценочного понятия уделялось немалое внимание, и предлагались его различные варианты. В частности к этому вопросу обращались Я.М. Брайнин, А.В. Наумов и В.В. Питецкий [1, с.63; 2, с.97; 3, с.44].

Одним из первых попытку сформулировать определение оценочного понятия предпринял Я.М. Брайнин. В качестве оценочных им рассматриваются понятия, «не конкретизированные законодателем и уточняемые при применении уголовного закона» [1, с.63]. Однако следует отметить, что это определение не являлось развернутым и отразило лишь наиболее общие характерные черты оценочных понятий. Вместе с тем, сказанное несколько не принижает заслуги автора, поскольку на тот момент проблема оценочных понятий в правовой науке не разрабатывалась, и в общей теории права не предлагалось определения оценочного понятия, которое могло бы быть взято за основу отраслевыми науками.

В свою очередь, А.В. Наумов предложил под оценочными понятиями в уголовно-правовых нормах понимать «признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативным актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую правовую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [2, с.97]. Одна из специфических черт точки зрения А.В. Наумова заключается в следующем. В отличие от Я.М. Брайнина, который говорил лишь об уточнении оценочного понятия, А.В.Наумов ставит определение его содержания в полную

зависимость от усмотрения правоприменителя. Однако главная особенность определения, сформулированного А.В. Наумовым, состоит в том, что он рассматривает оценочные понятия в качестве признаков состава преступления. В свою очередь Я.М. Браинин писал о понятиях, при помощи которых признаки состава преступления находят свое выражение в тексте УК.

В.В. Питецкий в рамках исследования, посвященного оценочным понятиям в уголовном праве, указывает, что «оценочными понятиями являются понятия, содержание которых непосредственно раскрывается лишь в процессе применения правовых норм в пределах зафиксированной законом общности, путем оценки конкретных обстоятельств каждого случая, на основе правосознания субъекта, применяющего закон» [3, с.44].

Заслуга В.В. Питецкого заключается в том, что он впервые ведет речь о пределах, в рамках которых должно конкретизироваться оценочное понятие. Однако здесь, по нашему мнению, содержится и главный недостаток приведенной трактовки. Он состоит в крайней неясности термина «пределы зафиксированной законом общности», поскольку из определения нельзя сделать вывод о том, о каких именно пределах и какой общности идет речь. Говорится ли в этом случае о пределах уголовно-правовой нормы, которая подлежит применению, либо этими пределами являются рамки того или иного уголовно-правового института. С учетом сказанного, нам представляется, что определение В.В. Питецкого нельзя признать удачным.

Таким образом, необходимо отметить, что до настоящего времени в науке уголовного права не сформулировано устоявшегося определения оценочного понятия. В определенной мере это обусловлено тем, что даже самое совершенное определение того или иного юридического понятия со временем нуждается в переосмыслении. Как справедливо заметил Г.А. Свердлов, «всякое определение на том или ином этапе исторического развития оказывается несостоятельным или неполным и поэтому требует уточнения и совершенствования в соответствии с новейшими достижениями научной теории и практики» [4, с.11].

Нам представляется, что для формирования определения оценочного понятия необходимо выявить и рассмотреть его характерные особенности.

Как показывает проведенный нами анализ суждений об оценочных понятиях к их основным особенностям можно отнести следующие:

- 1) содержание оценочного понятия не определяется в нормах уголовного закона или иного нормативно-правового акта (Я.М. Браинин, А.В. Наумов) [1, с.63; 2, с.97];
- 2) содержание оценочных понятий определяется правоприменителем на основе правосознания и с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела (В.А. Ковалев, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, Е.А. Фролов) [5];
- 3) формально-неопределенный характер оценочного понятия предоставляет правоприменителю свободу усмотрения при определении его содержания (С.И. Вильнянский, С.Д. Шапченко) [6].

Более полный анализ каждой из выявленных особенностей позволяет нам раскрыть сущность оценочных понятий.

Первой особенностью оценочных понятий является то, что содержание оценочного понятия не определяется в нормах уголовного законодательства. Эта характерная черта обусловлена способом их изложения в уголовно-правовых нормах: оценочное понятие дает лишь общие сведения о том или ином качестве, признаке, характеристике в юридической конструкции, однако не конкретизируется ни в том законоположении, где оно содержится, ни в каких-либо других статьях уголовного закона. Однако данное обстоятельство, по нашему мнению, не дает оснований для утверждения, высказанного Ю.А. Язовских, о том, что оценочные понятия в УК появляются тогда, когда при принятии уголовно-правовой нормы «законодатель не определился с конкретными признаками определенного преступления (так как не нашел объективных критериев для их словесного обозначения) и предоставил суду (следователю) право самим определять нечеткий признак применительно к конкретному случаю» [7, с.18].

По нашему мнению, до тех пор, пока законодатель не определил конкретные признаки преступления, нельзя говорить об установлении уголовной ответственности за какие бы то ни было действия. И тем более нельзя предоставлять право следователю или судье самим формулировать и устанавливать признаки преступления.

Нельзя признать бесспорными не менее категоричные суждения о том, что оценочными являются исключительно те понятия, которые никак не конкретизированы законодателем [1, с.63], либо «признаки состава преступления, которые определяются не законом или иным нормативным актом, а правосознанием лица, которое применяет соответствующую правовую норму, исходя из конкретных обстоятельств дела» [2, С. 97].

Представляется, что Я.М. Брайнин и А.В. Наумов исходят из того, что оценочным является только то понятие, содержание которого не раскрыто в законоположениях УК. Подобное утверждение можно признать справедливым, если полностью абстрагироваться от наличия в уголовном праве относительно самостоятельных институтов. Так, например, понятие «особая жестокость» в уголовном законе не детализируется и является оценочным. Между тем это не означает, что в уголовном законе нет ориентиров, позволяющих осмыслить содержание данного оценочного понятия. Поскольку понятие «особая жестокость» является структурным элементом уголовно-правовых норм, образующих в совокупности с другими уголовно-правовыми нормами институт уголовной ответственности за посягательства на жизнь и здоровье человека и гражданина, постольку содержание данного понятия определяется характером действий, предусмотренных п. «д» ч.2 ст.105 и п.«б» ч.2 ст.111 УК РФ: причинением потерпевшему особых физических страданий в момент лишения его жизни или причинения тяжкого вреда его здоровью и т.п.

Понятие «особая жестокость» является и структурным элементом уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за изнасилование (п.«в» ч.2 ст.131 УК РФ). Полагаем, что содержание понятия «особая жестокость» применительно к данному преступлению в какой-то части может совпадать с содержанием этого же понятия, применяемого для квалификации преступлений, предусмотренных п.«д» ч.2 ст.105 и п.«б» ч.2 ст.111 УК РФ. Однако принадлежность уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за изнасилование, к самостоятельному институту уголовного права – институту уголовной ответственности за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности – накладывает свой отпечаток на содержание рассматриваемого оценочного понятия. Помимо физических страданий, причиняемых при изнасиловании, содержание понятия «особая жестокость» характеризуется нравственными страданиями не только потерпевшей, но зачастую и многих других лиц (членов семьи потерпевшей, ее близких родственников), например, если изнасилование совершается на их глазах [8]. Приведенные соображения в полной мере относятся и к другим оценочным понятиям.

Таким образом, по нашему мнению, *содержание оценочных понятий при относительной неопределенности формы их изложения, тем не менее, определено хотя бы в общих чертах сферой общественных отношений, регулируемых соответствующими уголовно-правовыми нормами.*

Как вытекает из проведенного анализа юридической литературы, *второй характерной чертой оценочных понятий* состоит в том, что определение их содержания полностью зависит от правосознания лица, которое применяет соответствующую уголовно-правовую норму [2, с.97]. В такой постановке вопроса правосознанием правоприменителя необоснованно подменяется законотворческая деятельность. С этой точки зрения более правильным представляется суждение о том, что оценочными являются понятия уголовного закона, содержание которых «*в значительной мере* (курсив мой – О.С.) определяется правосознанием юриста, применяющего закон, с учетом требований УК и обстоятельства конкретного дела» [9, с.115], в случае если это не сделано законодателем.

Необходимо признать, что правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность взглядов, идей, концепций, оценок, чувств, эмоций людей в отношении всей юридической действительности. Содержание правосознания различается в зависимости от преобладания в нем познавательного (когнитивного) компонента, профессиональной принадлежности его субъектов и других факторов. В частности, деятельность по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел по существу, по проверке законности и обоснованности приговоров, постановлений и определений суда в апелляционном, кассационном и надзорном порядке требует такого правосознания, которое могло бы обеспечить полное, всестороннее и объективное установление всех обстоятельств совершенного преступления и правильной их квалификации. Таким образом, в структуре правосознания следователей, дознавателей, а также судей, осуществляющих пересмотр приговоров, постановлений и определений суда по уголовным делам, преобладают знания норм уголовного и уголовно-процессуального права. Различия в содержании правосознания позволяют выделить три вида правосознания: обыденное, профессиональное и научное [11].

Нами признается тот факт, что профессиональное правосознание следователя (дознателя), прокурора и судьи является одним из ведущих факторов при конкретизации содержания оценочных понятий уголовного закона. Однако при этом хотелось бы отметить, что не следует переоценивать его значение по следующим причинам.

Во-первых, уровень профессионального правосознания правоприменителей строго индивидуален. В подтверждение данного вывода следует сослаться на утверждение Н.Л. Гранат, которая справедливо отмечает, что одними из основных компонентов правосознания юристов являются правовые знания и умение применять их [12]. По нашему мнению, именно эти компоненты, применительно к каждому конкретному следователю (дознателю), прокурору или судье, могут значительно варьироваться в зависимости от степени их профессиональной подготовки. Таким образом, поскольку правосознание всех юристов нельзя привести к общему знаменателю, то, следовательно, и критерии, по которым правоприменителями определяется содержание оценочных понятий, могут существенно отличаться [13, с.110]. Хотя, по нашему мнению, именно при толковании оценочных понятий уголовного закона требуется использование единых критериев, поскольку от этого зависит реализация принципа справедливости, закрепленного в ст.6 УК РФ.

Во-вторых, профессиональное правосознание, если его уровень отвечает предъявляемым требованиям, позволяет определить содержание тех оценочных понятий, критерии которых, могут быть установлены путем анализа уголовного закона. Вместе с тем, критерии толкования некоторых оценочных понятий уголовного закона разработаны в иных отраслях знаний (например, для понимания такого оценочного понятия, как «*психотравмирующая ситуация*» (ч.1 ст.107, 113 УК РФ) необходимо обратиться к знаниям, накопленным в области психологии, а для понимания понятия «*предметы или документы, имеющие историческую и культурную ценность*» (ч.1 ст.243 УК РФ), следует обратиться к исторической науке и искусствоведению).

Учитывая сказанное, необходимо сделать вывод, что знания правоприменителей, необходимые для определения содержания оценочных понятий, должны быть чрезвычайно разносторонними. Поэтому очевидным является то, что уяснение правоприменителем содержания ряда оценочных понятий невозможно без обращения к иным отраслям знаний: медицине, психиатрии, искусствоведению, психологии, педагогике и др. В некоторых случаях для этого правоприменителю достаточно познаний в указанных и иных отраслях знаний, полученных в связи с выполнением профессиональных обязанностей следователя, прокурора или судьи. В других случаях собственных познаний правоприменителя недостаточно для уяснения содержания оценочного понятия, тогда правоприменитель обращается к лицам, обладающим необходимыми познаниями, для получения консультации специалиста или заключения эксперта, которые позволяют понять суть оценочного понятия.

Критические замечания возникают и в отношении того, что содержание оценочных понятий определяется правоприменителем с учетом конкретных обстоятельств дела [2, с.97]. Такой подход представляется спорным, поскольку определение содержания любых понятий, включаемых в уголовно-правовые нормы, входит в компетенцию законодателя. Следовательно, содержание оценочных понятий должно определяться законодателем в процессе законотворческой деятельности и окончательно закрепляться в соответствующей уголовно-правовой норме. В силу этого правоприменитель *не определяет, а конкретизирует* содержание оценочных понятий, с учетом конкретных обстоятельств дела.

Третья характерная особенность оценочных понятий состоит в том, что их формально-неопределенный характер предоставляет правоприменителю свободу усмотрения при определении содержания оценочного понятия. До настоящего времени вопрос усмотрения как одной из особенностей оценочных понятий, проявляющейся в процессе их практического применения, не нашел в доктрине уголовного права единообразного решения.

Разрабатывая теоретические основы квалификации преступлений, В.Н. Кудрявцев пришел к выводу о том, что усмотрение правоприменителя объективно по природе, так как зависит от фактических обстоятельств дела, и субъективно по характеру отражения реальных фактов в сознании должностных лиц. То есть, усмотрение правоприменителя содержит в себе опасность отрыва от выраженной в норме воли законодателя [9, с.122].

В отличие от приведенного суждения, в котором весьма осторожно обозначены возможные негативные последствия усмотрения в процессе применения уголовно-правовых норм, Г.Т. Ткешелиадзе более категорично высказался по данному вопросу, полагая, что «когда речь идет об оценочных признаках состава преступления, применение судебного усмотрения исключается. Квалифицируя преступление, суд не стоит перед выбором при раскрытии оценочных признаков. Похищено ли имущество в крупном или особо крупном размере – это вопрос факта, а не судебного усмотрения. Является ли определенный поступок развратом или не является – это должно быть доказано. Разврат и неразврат – контрадикторные понятия, которые исключают друг друга. Здесь закон не предоставляет суду право выбора. Именно поэтому требование истинности квалификации преступления распространяется на оценочные признаки преступления. Это означает, что применение данного признака к конкретным фактам может быть истинным или ложным. Говоря об оценочных признаках, имеется в виду необходимость однозначного употребления этих терминов практикой (в каждом конкретном случае существует правильное и неправильное, с точки зрения задач процесса, решение)» [14, с.91]. Очевидно, что Г.Т. Ткешелиадзе является последовательным противником допущения какого-либо усмотрения при конкретизации оценочного понятия.

А.И. Рарог и Ю.В. Грачева считают позицию Г.Т. Ткешелиадзе ошибочной. По их мнению, это обусловлено неосновательным отождествлением процесса доказывания фактических обстоятельств совершения преступления и оценочной деятельности правоприменителя при установлении содержания и юридического значения установленных фактов. Применение нормы уголовного права, включающей оценочные понятия, не исключает, а, напротив, предполагает предварительное уяснение смысла и воли законодателя, который как раз предоставляет правоприменителю некоторую свободу в принятии решения, устанавливая вместе с тем определенные границы усмотрения [15, с.92-93].

При рассмотрении этого вопроса важно иметь в виду, что анализируемые точки зрения основываются на различных значениях понятия «усмотрение». В одном случае оно применяется для того, чтобы подчеркнуть право, а не обязанность правоприменителя принять то или иное решение либо выполнить определенные действия. В частности, такое значение термину «усмотрение» придается тогда, когда речь идет о процессуальном порядке прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. В ст.25, 26 и 28

УПК РФ закреплено положение, согласно которому суд, прокурор, следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон, в связи с изменением обстановки или в связи с деятельным раскаянием. Такой способ закрепления полномочий дает основание для вывода о том, что прекращение уголовных дел по указанным основаниям зависит от усмотрения суда, прокурора, следователя и дознавателя.

В другом случае, «усмотрение» означает возможность самостоятельно определять содержание того или иного понятия, в том числе и оценочного.

«Усмотрение» в первом значении не применимо тогда, когда правоприменитель обязан давать уголовно-правовую оценку определенных фактов (явлений, жизненных ситуаций) с помощью оценочных понятий (вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого, прекратить уголовное дело в связи с наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния и т.д.). Другое дело, что содержание оценочных понятий допускает усмотрение в процессе принятия решения о том, охватываются или нет соответствующим оценочным понятием факты (явления, жизненные ситуации), детерминирующие его применение. С этой точки зрения справедливым представляется утверждение А.И. Рарога о том, что применение такого оценочного понятия как «общественно опасные последствия» отдано на полное усмотрение правоприменителя, и поэтому необходимо выработать некоторые правила, ограничивающие пределы такого усмотрения [16, с.41].

В этой связи важное значение имеет замечание М. Костровой, которая, анализируя оценочные понятия, содержащиеся в ст.213 УК РФ («Хулиганство»), пишет о том, что «при использовании оценочной лексики в УК РФ возникает парадоксальная ситуация доминирующего положения усмотрения правоприменителей над принципом законности, который закреплен в ст.3 УК РФ: *«преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом»* [17].

Нам представляется, что допущение самой возможности усмотрения правоприменителя при определении содержания оценочного понятия и оценки с учетом этого характера совершенного деяния, непозволительно. Поскольку, если допустить усмотрение в приведенной ситуации, то складывается впечатление, что указанные в законе какие-либо приблизительные критерии содержания оценочного понятия не имеют обязательной силы и могут толковаться произвольно.

Анализ выделенных характерных особенностей оценочных понятий позволяет нам предложить следующее определение: *оценочное понятие уголовного закона – это понятие, содержащееся в уголовно-правовой норме и конкретизируемое правоприменителем при уголовно-правовой оценке фактов, детерминирующих применение нормы уголовного закона.*

Список литературы:

1. Я.М. Брагинин. Уголовный закон и его применение. – М.: Юридическая литература, 1967. – 240 с.
2. А.В. Наумов. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – 176с.
3. В.В. Питецкий. Оценочные понятия в советском уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1974. – 198с.
4. Г.А. Свердлык. Принципы советского гражданского права. – Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. – 200с.
5. В.А. Ковалев. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С.72-73; В.Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1963. – 324с.; А.В. Наумов. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1973. – С.97; Е.А. Фролов. Стабильность закона и соотношение формально-определенных и оценочных понятий в уголовном праве // Проблемы советского уголовного права и криминологии: Сборник ученых трудов. – Вып.28. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1973. – С.46.

6. С.И. Вильнянский. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института. – Вып.7. – Харьков: Издательство Харьковского юридического института, 1956. – С.3-16; С.Д. Шапченко. Оценочные понятия в составах конкретных преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1988. – С.63.
7. Ю.А. Язовских. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – С.18.
8. Э.Ф. Побегайло. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1998. – С.298; Н.К. Семернева. Насильственные посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности // Уголовное право. Особенная часть. Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 1997. С.128.
9. В.Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Юридическая литература, 1963. – 324с.
10. Ю.М. Groшевой. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. – Харьков: Вища школа, 1985. – С.3-25; А.Ф. Крыжановский. К вопросу о профессиональном правосознании // Проблемы правоведения. – Вып.45. – Киев, 1984. – С.3-5; В.Н. Кудрявцев. Правосознание юриста // Советская юстиция. – 1974. – № 10. – С.3-5; В.А. Лапаева. Конкретно-социологические исследования в праве. – М.: Юридическая литература, 1987. – С.85-92; Т.В. Синюкова. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С.564-565; Н.Я. Соколов. Профессиональное сознание юристов. – М.: Наука, 1988. – С.35.
11. Н.Л. Гранат Правосознание и правовая культура // Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 1999. – С.244.
12. В.В. Питецкий. Позитивные и негативные свойства оценочных понятий // Эффективность уголовного права на современном этапе. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск: Издательство Свердловского юридического института, 1977. – С.110.
13. Г.Т. Ткешелиадзе. Судебная практика и уголовный закон. – Тбилиси: Мицниериба, 1975. – 175 с.
14. А.И. Рарог, Ю.В. Грачева. Понятие, основание, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. – 2001. – № 11. – С.92-93.
15. А.И. Рарог. Усмотрение правоприменителя при квалификации преступлений // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С.41.
16. М. Кострова. Оценочная лексика в уголовном законе: проблемы теории и практики // Уголовное право. – 2002. – № 2.

IN RESPECT TO THE WORDING REGARDING THE EVALUATION CONCEPT IN THE CRIMINAL LAW

O.S. Stepanyuk

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: Stepanyuk@bsu.edu.ru

The article is devoted to the study of the problem of wording regarding the evaluation concept in the criminal law being one of the legal technique methods. The article includes study of the characteristics system of the evaluation concept, as well analysis of characteristics of the evaluation concept, specified in the criminal law. Basing on considered points of view and an independent research the author offers his own definition of the evaluation concept that may be used in future research, in legislative procedures and the process of right application.

Key words: criminal law, criminal statutes, criminal and legal norm, wording of the evaluation concept, recognition of the evaluation concept, juridical conscience of the lawyer.